

УДК 930.85(470)

ПОНЯТИЕ «ТЕОРИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НА РУБЕЖЕ XX – XXI вв.

Н. М. Морозов

THE CONCEPT OF «THEORY OF THE LOCAL CIVILIZATION» IN THE DOMESTIC
HISTORIOGRAPHY AT THE TURN OF XX - XXI CENTURIES.

N. M. Morozov

В статье рассмотрена практика употребления терминов «концепция», «теория», «парадигма» в трудах по проблемам цивилизации. Проанализированы авторские подходы к идентификации теории локальной цивилизации по формальным признакам. Выявлен ряд идей и технологий, которые могли выступить в качестве базовых для составления её дефиниции.

The article describes the practice of use of the terms “concept”, “theory”, “paradigm” in the works on the problems of civilization. Analyzed the author's approach to the identification of local civilization theory on formal grounds. Identified a number of ideas and technologies that could serve as a basis for drawing up its definition.

Ключевые слова: гипотеза; концепция; парадигма; теория локальной цивилизации; эквивалентные умозаключения; эмпирический, семантический и лингвистический планы.

Keywords: hypothesis; concept and paradigm, theory of a local civilization; equivalent inferences; empirical, semantic and linguistic plans.

Теория как форма аналитики – одна из ключевых в формировании научной картины мира и обозначает горизонт систематизации определённой совокупности знаний в рамках отдельных наук или в их междисциплинарном пространстве. Она фиксирует целостное видение своего предмета, которое формируется по мере накопления достаточного объёма фактологического материала о нём и опыта осмысления на основе комплекса методологических принципов [49, с. 122 – 123] философского, эпистемологического, общенаучного и предметного уровней.

Позиционирование конкретным автором его системы знаний о локальной цивилизации в виде одной из аналитических форм: концепции, теории или парадигмы, является заявкой на уровень научного обобщения. В указанной последовательности они составляют ряд возрастающего логического упорядочения как уже известных исследователям фактов и явлений, так ещё и не открытых, но потенциально существующих и имеющих свою нишу в эмпирике. Избыток или дефицит подобных аналитических схем, возникающая время от времени заинтересованность в них со стороны общества, согласованность или противоречивость вложенных смыслов и другие факторы говорят о динамике и направлении процесса познания феномена локальной цивилизации в целом.

В отечественной историографии, несмотря на активное изучение проблемы теории локальной цивилизации (далее – ТЛЦ), задача её дефиниции как аналитической модели не ставилась. Учёные, признавая за этим понятием право на существование, параллельно широко употребляли словосочетания «теория цивилизации» и «цивилизационная теория» [13, с. 127 – 138; 19, с. 341 – 348; 29, с. 85; 34, с. 155; 36], нередко отождествляя их с парадигмой, концепцией и чаще – с методологическим подходом [1, с. 7; 42, с. 10; 48]. Таким образом, в отношении ТЛЦ сложилась разноречивая ситуация – в научном сообществе ещё не было достигнуто взаимопонимания

по поводу структурной формализации знаний о цивилизации, но в текстах под различными формами аналитики выдавалось множество версий её осмысления, претендующих на научность. Чтобы достичь в этом вопросе взаимопонимания, со стороны некоторых исследователей периодически раздавались призывы к чёткому обозначению познавательных ракурсов [10, с. 265 – 273; 24, с. 330 – 346; 55, с. 251 – 264]. Актуальность решения данной проблемы подчёркивал статус ТЛЦ как одной из макротеорий исторического процесса, в реконструкции которого двусмысленность всегда пагубна.

Для выяснения причин указанной коллизии обратимся к периоду 90-х гг. XX – первому десятилетию XXI вв., в течение которого в интеллектуальной среде шёл процесс реанимации (после советской эпохи) и накопления новых знаний о российской цивилизации, формировался соответствующий понятийный аппарат, что послужило основой для утверждений о наличии одноимённой теории. Одновременно с анализом авторских подходов к идентификации понятия ТЛЦ по формальным признакам, поставим задачу выделить идеи, правдоподобные с точки зрения неоклассической рациональности, которые могли выступить в качестве базовых для составления её дефиниции. Их совокупность или отсутствие таковых дополнительно характеризовали достижения в методологии познания исторической специфики общества.

Приступая к анализу практики употребления в текстах понятий «концепция», «теория», «парадигма», отметим, что в 90-е годы в результате знакомства с трудами зарубежных авторов, посвящённых принципам структурирования знаний [24, с. 330 – 346], отдельные отечественные исследователи, постоянно или эпизодически работавшие в цивилизационной проблематике, не только постигали предлагаемые подходы, но и пробовали определить пределы функционирования встреченной там терминологии. В первую очередь, внимание было обращено на идею Томаса Куна о зависимости научных рево-

люций от конкуренции и смены парадигм как признанных всеми достижений в области новых знаний, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений [22, с. 11].

Так, обратив внимание на «расплывчатость» определения Куна, Н. С. Розов предложил «... понимать под парадигмой устойчивую связную совокупность философских и/или научных взглядов, служащую основой ученым как минимум двух поколений ставить проблемы, планировать и проводить исследования для их решения» [39, с. 60 – 61]. Историческая парадигма, по мнению Е. В. Каронновой, может быть представлена на методологическом уровне как образец для интерпретации исторических фактов и исторических текстов, а на онтологическом – как совокупность определенных элементов, к числу которых относятся общественные идеи, теории, а также, например, культурная историческая традиция [16, с. 39]. Указанное понятие О. А. Сергеева употребила в значении теории наиболее высокой степени универсальности, которая в течение некоего времени признаётся интеллектуалами как основа научного исследования в конкретной области, имеющая общее концептуальное основание для существования и развития целого ряда теорий [45, с. 9].

Вышеизложенные взгляды на парадигму позволяют заключить, что её структурно-функциональный формат представлялся авторам, специально изучавшим этот вопрос, шире, чем формат теорий, и указывал на возможность объединения последних по признаку родства в её пределах как более масштабной аналитической модели (когнитивной, исторической, предметной и т. д.).

Термин «теория цивилизации» широко использовался в трудах Б. С. Ерасова, И. Н. Ионов, Е. Б. Рашковского, Е. Б. Черняка, И. Г. Яковенко, И. А. Яковлева и других [6, с. 9 – 20; 11, с. 59 – 84; 35, с. 63 – 70; 53; 59, с. 44 – 58; 60, с. 161 – 162]. Потребность в нём и в образованных с его участием смысловых фигурах была очевидной на фоне кризиса учения о формациях, необходимости более глубокого постижения специфики России и возрастающего внутри гуманитарного сообщества интереса к созданию новых умозрительных схем. Внимание к подобным новациям провоцировали в том числе представители смежных исследовательских направлений, таких, как теоретическая, новая интеллектуальная история и других, где, по мнению Л. П. Репиной, «...постоянно возникает необходимость всестороннего анализа и чёткого определения того комплекса установок, который собственно и создаёт новое качество» [37, с. 58].

Так, в соответствии с требованиями логики и принципами рационального познания, Н. С. Розовым, одним из основоположников отечественной теоретической истории и автором первой монографии о структуре цивилизации [38], было дано определение теории как дедуктивно организованной совокупности суждений, сформулированных в замкнутой системе понятий. Автор посчитал необходи-

мым установить минимум её компонентов. Это «... базовые неопределяемые понятия, производные понятия, аксиомы (невыводимые в рамках данной теории постулаты в терминах базовых и производных понятий) и теоремы, т. е. суждения, выводимые по определенным правилам из аксиом» [39, с. 81], которые, как правило, не достижимы для имеющихся исторических теорий, но задают ориентир для их уточнения в будущем. Внутреннее построение теории было описано в «вертикальном» срезе в виде последовательных ступеней методологической лестницы: от простых материальных свидетельств – к фактам, эмпирическим описаниям, нормализованным данным, эмпирическим гипотезам, теоретическим моделям, концепциям и теоретическим гипотезам, научным основаниям и далее – к философским. Обращает внимание отдельная ступень – концепции, представляемые в виде связанных совокупностей суждений, лишенных «... как строгой дедуктивности (выводимости теорем из аксиом), так и понятийной замкнутости (построения всех производных понятий из конечного числа базовых неопределяемых понятий). Подлежащие проверке их положения называются теоретическими гипотезами, которые относятся к этому же методологическому уровню» [39, с. 64 – 65].

Таким образом, Н. С. Розов отличал теорию от концепции как отдельные формы аналитических знаний и уточнил иерархическую связь между указанными понятиями, которая для других исследователей могла представляться в обратной последовательности. Например, в контексте идей М. Вебера об идеальных типах О. А. Сергеева сформулировала определение теории как системы «...идеальных образов (понятий), отражающих сущность исследуемого объекта, его внутренне необходимые связи, законы его функционирования и развития» [45, с. 11]. Автор сочла необходимым разработать эпистемологическую схему, приспособленную извлекать из трудов Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби и Л. Н. Гумилёва [4; 5; 50; 58] смыслы для объяснения феномена локальной цивилизации. В результате выявленные значения были соотнесены с теориями указанных авторов [45, с. 221 – 223], которые участвовали, согласно названию монографии, в становлении цивилизационной концепции.

Разночтение по поводу соотношения теории с концепцией и парадигмой являлось не единственным препятствием для конкретизации первого понятия в рамках дефиниции. Наряду с этим фактором проявлялись и другие гносеологические барьеры.

Подобным барьером являлось наличие параллельно сосуществовавших в историографии (начиная с гипотезы Г. Рюккерта (середина XIX в.) о культурных типах) [14, с. 245 – 252] двух групп аналитических моделей познания цивилизации. Первую составили стадийные концепции, авторы которых были солидарны во мнении, что человечество представляет собой единое целое, переживающее переходы от одной стадии цивилизации к другой, или этапы (фазы, ступени) поступательного движения исторического (точнее, – технологического. – Н. М.)

прогресса [28, с. 11 – 13; 25, с. 45 – 46; 30, с. 3, 50]. Основные смыслы этого утверждения оказались созвучны с постулатами классической теории всемирной истории. Их близкое родство прослеживалось, в том числе, через закономерно избираемые в исследовательских стратегиях приоритеты формационному и ранним версиям модернизационного подходов [18, с. 55 – 112; 26; 43, с. 68 – 93].

Таким образом, для разработки специальной теории цивилизации в стадийном варианте отсутствовали существенные основания, но для некоторой части научного сообщества сложность состояла в осознании, что с иных методологических позиций достаточно убедительными выглядели теоретические выкладки, касающиеся уже локальной цивилизации, характерные для второй группы концепций. Их адепты были объединены идеей о том, что «...в ходе исторического развития на земном шаре формируется ограниченное количество особых, отличающихся друг от друга стратегий человеческого бытия. Каждая из этих стратегий, доминируя на определённой, весьма ограниченной территории, оказывается фактором, задающим весь строй жизни» [59, с. 48]. Аналогичные процитированной тезе умозаключения являлись оригинальными в сравнении с постулатами других макротеорий. Разработанные на их основе гипотезы, сформулированные в разрезе различных предметных, историософских и мировоззренческих «оптик», были направлены на понимание и объяснение особенностей отдельно взятой локальной цивилизации как одного из макросоциальных организмов.

В 1995 – 2002 гг. и частично в более поздние годы в свет вышло достаточно большое количество ёмких и в подобном ключе написанных монографий [2; 3; 7; 8; 9; 15; 17; 20; 21; 31; 32; 33; 40; 44; 47; 51; 52; 54; 56; 57], выполненных с различной глубиной проникновения в сущность российской цивилизации. В задействованном методологическом инструментарии лишь некоторые авторы настаивали на приоритетной роли цивилизационного подхода, выборочно останавливаясь на руководстве его отдельными принципами. В текстах эту картину показательно и в содержательном отношении логично раскрывал понятийный аппарат. Элементы цивилизационного подхода обнаруживали себя в процессе исследования менталитета, времени и пространства цивилизации, её природной среды, суперэтнуса и т. д. Приветствовалось встраивание согласованных в смысловом отношении гибридных категорий, выделенных на стыке истории с областями естественных наук (биосоциальность, социокод и другие).

Без сомнения, задача использования всего комплекта элементов цивилизационного подхода, в совокупности с целесообразными для конкретных сюжетов принципами и методиками иного методологического характера, наиболее соответствовала цели создания полноценной теории локальной цивилизации, но она оказалась не под силу для одиночного исполнения. Систематизированные результаты по аналитической разработке её отдельных компонентов, которым с позиций феноменологии придава-

лось самостоятельное значение, наделялись компетенцией по форме статусом теории среднего уровня. В монографиях и в статьях исследователи редко удостоивали друг друга сторонним анализом по поводу обоснованности и целостности встреченных теоретических композиций. Историографическая часть многих трудов страдала библиографичностью.

Другой барьер в разделении компетенции между концепцией и теорией, как установил И. Н. Иванов, был связан с ограниченной познавательной продуктивностью классической рациональности. Классический стиль интерпретации оказался, по его мнению, невосприимчивым к дальнейшей проблематизации и инструментализации множества подходов в целях разностороннего изучения локальной цивилизации и к учёту релятивного (релятивный характер знаний указывает на их вероятный и условный контекст) характера цивилизационных знаний [12, с. 145]. Обратим внимание на то, что эмпирическую основу последних составляли свидетельства и факты существования вековых традиций в социальном мышлении и самоорганизации общества, успешно распознаваемые в неклассической и неоклассической познавательных практиках [46, с. 23 – 26].

Отдельные учёные предлагали уточнять параметры аналитических конструкций. С целью отбора концепций, достойных уровню макроисторической теории, И. А. Яковлев сформулировал критерии для их оценки. Он призвал учитывать: указания границ и внутреннего системного единства того, что подлежит объяснению; возможности закономерного и случайного в судьбе цивилизации; исключение «...детерминизма предзаданности жизненных циклов цивилизации» [60, с. 161 – 162]. Вследствие многомерности её внутренней природы данный перечень, сосредоточенный на включении - исключении некоторых метафоричных категорий, выраженных в философском контексте, не мог быть исчерпывающим. Идея отбора на указанных основаниях имела перспективу бесконечной дискуссии.

Теорию цивилизаций в широком и узком смысле на формальном уровне различал И. М. Самуilenko. В первом случае подразумевалась культурологическая аналитика, рассматривающая связь феномена цивилизации с феноменом культуры, во втором случае – это ТЛЦ [41, с. 12]. Автор отметил наличие в историографии трёх подходов в изучении эволюции последней: через традиции философской мысли от античности до современности; в соответствии с меняющимися социально-культурными условиями её создания; с точки зрения этапов развития науки.

Цивилизационная теория представлялась Е. Б. Рашковскому как «... эвристический, условно-конвенциональный научный способ символического описания» [35, с. 64], который не может являться общезначимым и директивным и требует оговорок, если выстраивается на основе исторической эмпирики конкретного общества. Отметим особенность вялотекущей полемики по рассматриваемой проблеме: вышеназванные и другие идеи, имевшие ра-

циональное зерно, растворялись среди многочисленных суждений, поступавших из большого потока разнообразных в концептуальном отношении публикаций [6, с. 10 – 11], и в трудах других авторов далее констатации встреченного в литературе мнения не имели достойного продолжения.

На страницах отечественных изданий исследователи имели возможность ознакомиться с опытом зарубежных учёных-структуралистов по взаимной интеграции аналитических форм знаний, используемых в общественно-гуманитарных науках. Так, Х. Ленк обратил внимание российской аудитории на неоклассический по характеру технологический подход Р. Гири к построению теории из двух компонентов: семейства моделей (концепций), составляющих ядро, и гипотез их применения – как приложений, связывающих эти модели между собой и с пониманием важнейших типов существующих в мире общественных систем [23, с. 162, 164]. Согласно автору, развитие теории может идти как путём расширения множества приложений, так и в направлении совершенствования структуры ядра, в том числе посредством разведения взаимоисключающих моделей.

В прагматическом отношении подход Р. Гири функционально дополняла технология мониторинга проблемных ситуаций неизбежных в процессе сопряжения концепций (гипотез). Её разработчиком – Е. А. Мамчур – к первому виду конкурирующих были отнесены умозаключения, эквивалентные в эмпирическом (одинаково хорошо согласующиеся с эмпирическими данными) и семантическом (несущие одно и то же содержание) плане, но различные лингвистически – средствами (языком) описания. Ко второму – эквивалентные в эмпирическом плане, но неэквивалентные в семантическом отношении, когда на основании одних и тех же эмпирических данных выводятся различные гипотезы и вычленяется разное теоретическое содержание. К третьему виду конкуренции были отнесены суждения, неэквивалентные в эмпирическом плане и обладающие различной семантикой [27, с. 259 – 260]. Представленная типология указывала на вероятность существования сложных комбинаций эквивалентных связей между эмпирическими, семантическими и лингвистическими планами различных концепций, объединённых на основе общей идеи и претендующих на место в ядре или в приложениях теории.

Из сказанного следует, что в историографии в течение рассматриваемого периода был выработан ряд идей и технологий, указавших на возможность неоклассического подхода к формализации понятия ТЛЦ. Если солидаризироваться с мнениями: Н. С. Розова о целесообразности выделения иерархии аналитических форм, И. Н. Ионова и И. В. Следзевского – по поводу неклассической природы знаний о локальной цивилизации; Е. Б. Рашковского – об условно-конвенциональной схеме построения её теории; с технологическими подходами Р. Гири, Е. А. Мамчур и другим накопленным отечественными исследователями опытом сопряжения гипотез в междисциплинарном про-

странстве, то дефиниция теории локальной цивилизации может выглядеть следующим образом. Теория локальной цивилизации представляет собой совокупность концепций, раскрывающих сущность локальной цивилизации на основании принципов цивилизационного подхода.

По логике классического определения его предыдущие родовидовые уровни описываются категориями, расшифровывающими понятия «концепция», «локальная цивилизация», «сущность и принципы цивилизационного подхода». Термин «совокупность» акцентирует внимание на множественности комплиментарных аналитических и эмпирических гипотез, выведенных в рамках гуманитарных, естественнонаучных дисциплин или в междисциплинарном пространстве. Их способность к взаимной интеграции в ядре теории или в её приложениях, согласно Е. А. Мамчур, находится в зависимости от эквивалентности друг к другу в эмпирическом, семантическом и лингвистическом планах.

Подведём итоги. В отечественной историографии на рубеже веков в научный оборот было введено понятие «теория локальной цивилизации», которое наделялось различными смыслами. У одних авторов оно обозначало в целом концепции Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Броделя, П. А. Сорокина и Л. Н. Гумилёва, названных классиками ТЛЦ, что давало повод оппонентам утверждать о её актуальности в прошедшем времени. У других – представляло некую совокупность категорий, идей о структуре и свойствах локальной цивилизации, которую, согласно методологической лестнице Н. С. Розова, лишь у отдельных исследователей в пределе можно было соотнести с концепцией. Случаи нестрогого отношения к идентификации систематизируемых умозаключений с формами аналитических знаний вносили путаницу в употреблении терминов: «концепция», «теория», «парадигма».

Редкий обмен мнениями по проблеме определения параметров теории локальной цивилизации не выходил на уровень широкой дискуссии или на согласованное при иных обстоятельствах решение. Тем не менее в идеях, в разные годы высказанных Р. Гири, И. Н. Ионовым, Е. А. Мамчур, Е. Б. Рашковским, Н. С. Розовым, И. М. Самусенко, И. А. Яковлевым и другими авторами, в методологическом плане уточнялись критерии формализации терминологии ТЛЦ, выделялись элементы целесообразного (с позиций неоклассической рациональности) порядка их структурирования, в том числе, в звене «ядро-приложения», и тем самым была предопределена возможность появления новых подходов к составлению научно обоснованной дефиниции ключевого понятия, вынесенного в заголовок статьи.

Литература

1. Абросимова, И. А. Методологическая роль понятия цивилизации в социально-философском исследовании: автореф. дис. ... канд. филос. наук / И. А. Абросимова. – Саратов, 2000.

12. Бабушкин, С. А. Теория цивилизации / С. А. Бабушкин. – Курск: РОСИ: КГПУ, 1997.
13. В поисках теории российской цивилизации: памяти А. С. Ахиезера: сборник статей / сост. А. П. Давыдов. – М.: Новый хронограф, 2009.
14. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – М.: АСТ, 2001.
15. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к греко-романскому / Н. Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991.
16. Ерасов, Б. С. О статусе и содержании теории цивилизаций / Б. С. Ерасов // История России: теоретические проблемы. – Вып. 1: Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения / отв. ред. А. С. Сенявский; Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 2002.
17. Ерасов, Б. С. Цивилизации: универсалии и самобытность / Б. С. Ерасов. – М.: Наука, 2002.
18. Ильин, В. В. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности / В. В. Ильин, А. С. Ахиезер. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000.
19. Иноземцев, В. Л. Расколота цивилизация / В. Л. Иноземцев. – М.: Academia: Наука, 1999.
20. Ионов, И. Н. О парадигмах, теории цивилизаций и немного о научной этике (ответ В. В. Шапаренко) / И. Н. Ионов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории / гл. ред. Л. П. Репина. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – Вып. 22.
21. Ионов, И. Н. Рождение теории локальных цивилизаций и смена научных парадигм / И. Н. Ионов // Образы историографии. – М., 2001.
22. Ионов, И. Н. Теория цивилизации и неклассическое знание (социокультурные предпосылки макроисторических интерпретаций) / И. Н. Ионов // Общественные науки и современность. – 2004. – № 5.
23. Ионов, И. Н. Теория цивилизаций на рубеже XXI века / И. Н. Ионов // Общественные науки и современность. – 1999. – № 2.
24. Ионов, И. Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / И. Н. Ионов. – М.: Наука, 2007.
25. Каверин, Б. И. Российская цивилизация / Б. И. Каверин. – М.: МГТУ им. А. Н. Косыгина, 2005.
26. Кароннова, Е. В. Парадигма в историческом знании: дис. ... канд. филос. наук. / Е. В. Кароннова – М., 2000.
27. Козин, Н. Г. Постигание России. Опыт исторического анализа / Н. Г. Козин. – М.: Алгоритм, 2002.
28. Комаров, В. Д. Философия цивилизации / В. Д. Комаров // Философия и общество. – 1998. – № 3.
29. Корякин, В. В. Цивилизационный и формационный подход к истории: возможен ли синтез? / В. В. Корякин // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. XI. – Вып. 3.
30. Кузык, Б. Н. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 1, 2 / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец. – М.: Институт экономических стратегий, 2006.
31. Кульпин, Э. С. Путь России. Серия СЕИ. Вып. 5 / Э. С. Кульпин. – М.: Московский лицей, 1995.
32. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977.
33. Ленк, Х. Эпистемологические заметки относительно понятий «теория» и «теоретическое понятие» / Х. Ленк // Философия, наука, цивилизация / под ред. В. В. Казютинского. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
34. Лешкевич, Т. Г. Философия науки: традиции и новации: учебное пособие для вузов / Т. Г. Лешкевич. – М.: ПРИОР, 2001.
35. Лукин, В. М. Очерк теории цивилизации: учебное пособие / В. М. Лукин. – СПб.: Изд-во С-Петербур. гос. ун-та, 2006.
36. Мигольцев, А. А. Философия цивилизации / А. А. Мигольцев // Социально-гуманитарные знания. – 2003. – № 4, 6; 2004. – № 1, 2.
37. Микешина, Л. А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. пособие / Л. А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005.
38. Новикова, Л. И. Вызов цивилизации / Л. И. Новикова // Общество, цивилизация, социализм / отв. ред. Л. И. Новикова. – М., 1988.
39. Овсянников, В. И. В поисках новых подходов к историческим исследованиям / В. И. Овсянников // Новая и новейшая история. – 1996. – № 6.
40. Олех, Л. Г. Цивилизации и революции / Л. Г. Олех. – Новосибирск: Наука, 1989.
41. Орлова, И. Б. Современные цивилизации и Россия / И. Б. Орлова. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000.
42. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002.
43. Платонов, О. А. Экономика русской цивилизации / О. А. Платонов. – М.: Родник, 1995.
44. Проскурякова, Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии / Н. А. Проскурякова // Вопросы истории. – 2005. – № 7.
45. Рашковский, Е. Б. Целостность и многоединство российской цивилизации: интервью с Е. Б. Рашковским / Е. Б. Рашковский // Общественные науки и современность. – 1995. – № 5.
46. Рашковский, Е. Б. Цивилизационная теория: познание истории – познание современности / Е. Б. Рашковский // Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 8, 9.
47. Репина, Л. П. Социальная история в историографии XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Л. П. Репина. – М., 1998.
48. Розов, Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития / Н. С. Розов. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1992.
49. Розов, Н. С. Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены / Н. С. Розов. – М., 2001.
50. Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: энциклопедический словарь / ред. М. П. Мchedлов и др. – М.: Республика, 2001.

51. Самусенко, И. М. Философско-методологические основы анализа феномена цивилизации: учеб. пособие / И. М. Самусенко. – Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2008.
52. Семенникова, Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: учебное пособие для вузов / Л. И. Семенникова. – Брянск: Курсив, 2000.
53. Семёнов, В. С. Диалектика взаиморазвития общества, культуры, цивилизации / В. С. Семёнов // *Философия и общество*. – 2006. – № 2.
54. Сергеева, О. А. Особенности современных цивилизационных процессов / О. А. Сергеева. – М.: МАТИ: РГТУ им. К. Э. Циолковского, 2002.
55. Сергеева, О. А. Становление цивилизационной концепции. Генезис и структура цивилизационной концепции общественного развития / О. А. Сергеева. – М.: МАТИ: РГТУ им. К. Э. Циолковского, 2000.
56. Следзевский, И. В. Особенности и возможности цивилизационного подхода / И. В. Следзевский // *История России: теоретические проблемы*. – Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / отв. ред. А. С. Селявский; Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 2002.
57. Старостенков, Н. В. Российская цивилизация в социальном измерении: методология социально-гуманитарного знания / Н. В. Старостенков, Г. Ф. Шилова. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
58. Старостин, А. М. Цивилизационная парадигма в политической науке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strategy-spb.ru/partner/files/starostin.pdf> (дата обращения: 10.01.2011).
59. Стёпин, В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин. – М.: Прогресс-традиция, 1999.
60. Тойнби, А. Дж. Постигание истории: сборник: [пер. с англ.] / А. Дж. Тойнби; сост. А. П. Огурцов. – М.: Прогресс, 1991.
61. Тонких, В. А. Россия: цивилизация и культура / В. А. Тонких, Ю. Л. Ярецкий. – М.: Союз, 1998.
62. Уткин, А. И. Россия и Запад: история цивилизаций: учеб. пособие для студ. вузов / А. И. Уткин. – М.: Гардарики, 2000.
63. Черняк, Е. Б. Цивилиография: наука о цивилизации / Е. Б. Черняк. – М.: Междунар. отн., 1996.
64. Чусовитин, А. Г. Российская цивилизация: учебное пособие / А. Г. Чусовитин. – Новосибирск: НГАС, 1997.
65. Шапаренко, В. В. Познавательные ракурсы истории / В. В. Шапаренко // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории* / гл. ред. Л. П. Репина. – М.: Едиториал УРСС, 2008. – Вып. 22.
66. Шаповалов, В. Ф. Россияведение: учебное пособие для вузов / В. Ф. Шаповалов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
67. Шемякин, Я. Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории / Я. Г. Шемякин. – М.: Наука, 2001.
68. Шпенглер, О. Закат Европы. – Т. 1: Образ действительности / О. Шпенглер; пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. – Новосибирск: Наука, 1993.
69. Яковенко, И. Г. Российская история и проблемы цивилизационного анализа / И. Г. Яковенко // *История России: теоретические проблемы*. – Вып. 1: Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения / отв. ред. А. С. Селявский; Ин-т рос. истории. – М.: Наука, 2002.
70. Яковлев, И. А. История человечества: история отношений человека и природы как цивилизационный процесс / И. А. Яковлев. – СПб.: Алетейя, 2006.